

DOI:10.30842/ielcp230690152350

А. Д. Курилова

(Астраханский государственный университет)

АЛЛЕГОРИЯ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИХ РУКОПИСНЫХ РИТОРИК XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется трактовка аллегории как одного из важнейших риторических приёмов в российских рукописных риториках XVIII века на латинском языке. Внимание авторов учебных руководств к аллегории объясняется её широким применением в торжественных речах, наиболее популярном в XVIII веке виде красноречия. Выявляются античные и новолатинские источники представлений об аллегории.

Ключевые слова: риторика, аллегория, Россия XVIII в., рукопись.

A. D. Kurilova

(Astrakhan' State University)

Allegory as a rhetorical method in Latin hand-written rhetoric books composed in Russia in the 18th century

The article analyzes the interpretation of allegory as one of the most important rhetorical methods in Latin manuscript rhetorics composed in Russia in the 18th century. Special attention of the authors of manuals to this device is due to its wide use in solemn declamations, the most popular kind of eloquence in the 18th century. The article also examines Antique and Neo-Latin sources of Russian rhetors' ideas of allegory.

Keywords: rhetoric, allegory, 18th-century Russia, manuscript.

Российские школьные риторика XVIII в. в разделах, посвящённых стилю и словесному выражению, содержат необходимые для будущего оратора сведения о тропах и фигурах. Большинство составителей руководств уделяют особое внимание трактовке такого тропа, как аллегория.

Греческий термин «аллегория» в римской риторике впервые был упомянут в трактате Цицерона «Оратор». Его толкование включало понятие *tralatio* (перенос, метафора) и указывало на особое употребление метафоры: «...fluxerunt continuae plures tralationes» («поток развёрнутых многочисленных метафор») (Cic., Or. XXVII, 94). Это упоминание является единственным у Цицерона, но в более поздней риторике термин *allegoria* получает широкое распространение и понимается как

metaphora continuata. Используются и латинские названия тропа – *inversio*, *diversiloquium*.

Интерес составителей риторик XVIII в. к аллегории обусловлен её частым использованием в торжественных речах, наиболее важном для того времени виде ораторского красноречия. Не случайно стиль, подобающий для торжественных речей, некоторые авторы называют аллегорическим.

В Славяно-греко-латинской академии в учебной практике использовалась риторика Феофана Прокоповича, о чём свидетельствует рукописная копия трактата от 1751–1753 гг. с владельческой надписью студента Димитрия Смирнова. В риторике утверждается, что аллегория придаёт речи величайшую прелесть, но иногда вырождается в наихудший порок («*allegoria etiam, quae alloquin ingentem speciem affert orationi, in pessimum nonnunquam vitium degenerat*») (Ritorika 1751–1753: 14; Procopovič 1982: 36). Указаны ошибки в применении аллегории: 1) грубыми (*durae*) Феофан Прокопович называет переносы, основанные на слишком отдалённом сходстве или сближающие несоразмерные явления («*vel a maiori vel a minori, quam res postulat, translatae, vel a longa similitudine ductae*») (Ritorika 1751–1753: 14; Procopovič 1982: 36). Примеры таких неудачных уподоблений из Эннодия, латинского поэта V–VI вв. н.э., ритор заимствует из трактата Николя Коссена: «*vincula clementiae, rabulum occasionis, evisceratas mentes et alias huiusmodi nugas apud Ennodium notat et reprehendit Causinus*» («оковы кротости, пищу случая, выпотрошенный ум и другую подобную чепуху отметил и осудил у Эннодия Коссен») (Ritorika 1751–1753: 14; Procopovič 1982: 36); 2) вторая ошибка – слишком частое употребление метафор и аллегорий. Речь не должна быть перегружена этими приёмами, а только украшена, как цветами или драгоценными камнями («*ut sit ornata oratio, debet seu flosculis seu gemmis suis distingui non tota obrui*») (Ritorika 1751–1753: 14; Procopovič 1982: 36); 3) наконец, применять аллегорию следует лишь тогда, когда она необходима, в повседневной речи она неуместна. По утверждению ритора, «*sunt enim non pauci hoc morbo decumbentes, ita, ut si illis in itinere stipem colligere aut viam interrogare contingat, allegoria utantur*» («немало есть таких, кто поражён этим недугом, кто, если случится собирать подавание в пути или спрашивать дорогу, прибегает к аллегории») (Ritorika 1751–1753: 14–14 (об); Procopovič 1982: 36).

Отражение взглядов Феофана Прокоповича на аллегорию обнаруживается во многих рукописных латинских руковод-

ствах. Риторика 1744–1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии опирается на традиции европейского барочного красноречия. Аллегория автор руководства считает одним из важнейших риторических приёмов. Показательно, что источником сведений об аллегории, приведённых в руководстве, московский ритор называет Киприано де Соареса, испанского иезуита (1524–1593), хотя в учебнике Соареса трактовка аллегории ни в чём не отступает от традиций античной риторики и почти дословно повторяет определение Квинтилиана: «Allegoria, Latine inversio, aliud verbis, aliud sensu ostendit» (Soarius 1686: 64); «Allegoria, quam inversionem interpretantur, aut aliud verbis, aliud sensu ostendit, aut etiam iterim contrarium» (Quint. VIII. 6, 44).

Аллегория рассматривается составителем московской риторики не только как средство украшения речи, но и как вид тезиса. Хотя аллегорический тезис, по утверждению ритора, многими не одобряется («improbant plurimi allegoriam seu metaphoricam propositionem»), он представляется достойным серьёзного внимания и рассматривается в первую очередь как «primus modus innovandi propositionem» (Emporium 1744–1745: 8 (об)).

Аллегорический тезис представляет собой уподобление, проведённое через всю речь. Ритор приводит возражения и опасения скептиков, сомневающих в целесообразности выбора этого вида тезиса. Он якобы производит на слушателей впечатление скорее изобретательного, чем серьёзного высказывания («non magnam apud auditores ingerat opinionem ut ingeniosa magis quam gravis») (Emporium 1744–1745: 8 (об)). Кроме того, достоин одобрения не всякий аллегорический тезис, но лишь тот, что заключает в себе нечто достойное удивления, поэтому не сведущим в риторической науке лучше от аллегории воздерживаться («ignari huius doctrinae immerito reprehendum, non enim omnem approbamus allegoricam propositionem rhetori utilem sed illam dumtaxat quae admirabilitatem aliquod in se continent» – Emporium 1744–1745: 8 (об)).

По утверждению ритора, мнение Зоилон, отвергающих использование этого приёма, может быть оспорено привычным применением аллегории в речах сильнейших ораторов («arguit deinde illos Zoillos usitatissimus hic gravibus oratoribus quotidianus autem sacris praeconibus usus» – Emporium 1744–1745: 8 (об)). Примерами служат речи европейских риторов Нового времени. Среди них Дрексерий, названный самым процветающим (или цветистым) оратором своего века («sui aevi florentissimus orator» – Emporium 1744–1745: 8 (об)), Иоанн Квяткевич, представив-

ший воскресение Христа посредством аллегии солнца, восходящего после ночи погребального мрака, и не названный по имени «современный оратор», прибегнувший в изображении страстей Христовых к аллегии пчелы.

Ритор советует применять аллегию осторожно и формулирует несколько правил. Во-первых, он призывает смягчать аллегию с помощью слов в прямом значении (*allegoriam in propositione mitigandam esse verbis propriis*), так, к примеру, говоря о храбрости (*fortitudo*), нельзя просто уподобить её молнии (*fulmen*), а следует назвать её молнией для врагов (*fulmen hostium* – *Emporium*1744–1745: 10). Не подобает проводить аналогию с предметами низкими, незначительными и слишком далёкими по смыслу, нужно следить за тем, чтобы предмет, привлекаемый для аллегии, обладал какими-либо свойствами предмета, представляющего тезис. Хорошо черпать аллегии из древней истории. В качестве примера уместного применения аллегии упомянут панегирик польскому королю Владиславу.

В академическом красноречии составитель руководства также считает возможным использовать аллегию, проходящую по всей речи. Особенно она уместна в жанре вступления (*praefatio*) к лекции или публичному обсуждению какого-либо философского вопроса. Основной задачей такого вступления ритор считает похвалу и напоминает, что похвала не должна быть голой, т. е. пустой (*«laudem hanc non nude tractandam esse»* – *Emporium*1744–1745: 131).

Автор риторики 1743–1744 гг. из Славяно-греко-латинской академии предостерегает от использования разных образов в аллегии, считая, что это разрушает её: *«Nota vitium esse allegoriae si ejus translatio aut similitudo variatur ut si aliquis initium allegoriae desumat ab aqua, finem vero ab igne formet; debet enim eo translationis genere finiri allegoria a quo inchoata est»* «Заметь: недостаток аллегии – в изменении переноса или сравнения, например, если кто-то начало аллегии произведёт от воды, а конец образует от огня; ведь аллегия должна заканчиваться тем видом (семантического) переноса, с которого она начиналась» – *Eloquentia* 1743–1744: 17 (об).

Автор вологодской рукописной риторики 1764 г. относит аллегию к состояниям тропов (*affectiones troporum*). Этимологическое толкование понятия аллегии отражает представление о выражении в переносном значении, что может быть отнесено к любому тропу: *«allegoria... est aliter interpretari, quam*

verba sonent» (Nastavleniya 1764: 31), «aliud sensu, et aliud verbis ostendens» (Nastavleniya 1764: 31). Ритор выделяет такие формы аллегории, как пословица (paroemia vel proverbium), загадка (aenigma) и притча (parabola). Пословица определяется как высказывание, относящееся к смыслу жизни, при некоторой умеренной неясности заключающее в себе множество пользы и разумности («sermo ad vitae rationem conducibilis, moderata quadam obscuritate multam in sese continens utilitatem et intelligentiam») (Nastavleniya 1764: 31). Это определение является традиционным, со ссылкой на греческую риторику оно встречается у многих авторов. Загадка рассматривается в руководстве как тёмная аллегория (obscura allegoria), применять её в публичных выступлениях ритор не советует, чтобы не мучить слушателей (allegoriam aenigmaticam non habere locum in orationibus publicis, quia non oportet crucem figere auditoribus) (Nastavleniya 1764: 31(об)). Притча характеризуется как некий вымысел, имеющий целью исправление нравов (figmentum quoddam ad mores hominum instruendos excogitatum) (Nastavleniya 1764: 31 (об)).

Наряду с аллегорией (continuata metaphora) вологодский ритор называет ещё три состояния тропов – гиперболу (преувеличение), катахрезу (неудачную или нелепую метафору) и антономасию (переименование). Все они представляют собой варианты тропов, их модификации или состояния.

В нижегородской риторике аллегория также рассматривается не как самостоятельный троп, а как развёрнутая метафора. Ритор указывает, что аллегория может быть чистой (pura), т.е. состоящей только из слов в переносном значении, или смешанной (mixta), т.е. содержащей также слова в прямом значении, как в примере «flos juventutis cito marcescit» («цвет юности быстро увядает») (Rhetorica 1766: 13).

Таким образом, составители различных риторических руководств, применявшихся в учебной практике в России XVIII века, отводят аллегории важнейшее место среди риторических приёмов, уместных в торжественном красноречии. Теоретическое осмысление аллегории восходит к античной и европейской новолатинской риторике. Аллегория трактуется как сложный приём, требующий особого внимания и мастерства.

Литература

Eloquentia 1743–1744: *Eloquentia ligata artificiis in articulos divisa atque ad usum roxolanae juventuti in Mosquensi Orthodoxa Academia*

- commodata*. – Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1743–1744. – Ф. 173.1., № 341. – 203 л.
- Emporium 1744–1745: *Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam stili et vulgarem in omni dicendi genere modum magis conducentibus nec non rebus ac ideis ad instruendum tum sacrum tum civilem oratorem et pluribus ad artem rhetoricam spectantibus refertissimum ad usum et imitationem rhetoribus expositum in Moscoviensi sacratissimae imperatoriae majestatis academia anno 1744 septembri die 21-ma in annum 1745 (Собрание всего, к риторике касающегося, с приведением всех оснований, выбранных для изысканного и повседневного стилия из всех видов беседы, всех вещей и мыслей к научению ораторов как церковных, так гражданских, и многого другого к риторике относящегося, для употребления и подражания собранное в Московской священной имп. Академии в 1744–1745 гг.)*. – РГБ. – Ф. 173.1, № 356. – 178 л.
- Nastavleniya 1764: *Nastavleniya po ritorike na primerakh iz latinskikh avtorov [Instructions in rhetoric using the examples by Latin authors]*. Vologda seminary. – 1764. – Russian State Library. – F. 122, № 14.
- Наставления 1764: *Наставления по риторике на примерах из латинских авторов...* Вологодская семинария. – 1764. – РГБ (Великоустюжское собрание). – Ф. 122, № 14.
- Procopovič, F. 1982: Procopovič Feofan. *De arte rhetorica libri X*. Slavistische Forschungen. – Köln; Wien, 1982. – 496 с.
- Ritorika 1751–1753: *Ritorika studenta vladelca Dimitrija Smirnova [Rhetoric owned by student Dimitry Smirnov]*. Slavic-Greek-Latin Academy. – 1751–1753. – Russian State Library. – F. 173.1, № 348.
- Риторика 1751–1753: *Риторика студента владельца Димитрия Смирнова*. – Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1751–1753. – РГБ. – Ф. 173.1., № 348. – 148 л.
- Rhetorica 1766: *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus. Курс лекций по риторике, читанных в Нижнегородской семинарии. [Lecture course on rhetoric from Nizhnij Novhorod seminary]*. 1766 // РГБ. – Ф. 312, № 78. – 95 л.
- Soarius, C. 1686: Soarius Cyprianus. *De arte rhetorica libri tres ex Aristotele, Cicerone et Quintiliano praecipue deprompti...*Taurini, 1686.